

ЦЕНА УРОЧНОГО ЧАСА

О прозе Виктора Ильина

О ДНАЖДЫ молодой саратовский технолог котельно-сварочного цеха судоремзавода, он же секретарь комитета ВЛКСМ, не смог ответить на вопрос, в честь кого назван теплоход «Память товарища Маркина». Пообещал узнать. В отпускное время зашел в Горьковский краеведческий музей, в областную библиотеку, написал целую тетрадь интересных сведений. И — загорелся. Почти готовый киносценарий!

Это «почти» потребовало трех лет работы. Потом киноповесть «Волга в огне» будет напечатана в «Волжском альманахе», и появится пьеса «Пароль — Волга», которая свыше пятидесяти раз пройдет на сцене Горьковского тюза, но, сами по себе значительные, не эти факты станут определяющими в писательской судьбе Виктора Ильина. Ни сценариста, ни драматурга из него не получилось. Важнее другое: в процессе работы над киносценарием как-то сам собою возник рассказ «Белый бакен»: старый бакенщик помогает морякам Волжской военной флотилии, заводит на мины суда белых и погибает сам.

«Белый бакен» — рассказ жизненный, но сочиненный. Первый и последний сочиненный рассказ. В дальнейшем В. Ильин будет писать только о том, что хорошо знает и видел сам. Журналистская зоркость глаза, очерковая близость к факту — все это качества, приобретенные в результате долгой газетной работы.

Творческий путь его по-настоящему начался с рассказа «Первый рейс», открывшего вышедшую в 1960 году книгу «Человек себя ищет». Деревенский паренек Егор из села Асташиха поступил на пароход «Грядя» матросом. Этот рассказ поистине символичен для дальнейшего творчества В. Ильина. От него прямая дорога ведет к «Живунам» (1963) и другим повестям: так же, только гораздо раньше по времени, поедет на пароходе «Плес» уже совсем патриархальный, кондовый деревенский паренек Алеха Филатов, чтобы купить себе сапоги для женитьбы, а в результате станет рабочим Чернореченского химзавода. Обратный путь проделает сын Алехи, Андрей Филатов, городской паренек, оказавшись в годы войны в родной отцу Мурзихе («Дана Ивану голова»). Он же повторит путь отца, но совсем по-другому, проходя как курсант речного училища практику на пароходе и в затоне («Затон»).

И еще раз той же дорогой проплывает все на той же «Гряде» Сергей Досов, племянник Алехи Филатова («Камская межень»). Самому же Алексею Филатову предстоит вернуться на старости лет в родную Мурзиху, где и произойдет окончательное подведение его жизненных итогов («Русый ветер»). Наконец из села Речное — неподалеку оно от Мурзихи — все тем же путем на Чернореченский химический придет Николай Потапов из повести «Целый век». Что же за путь такой — по Каме, по Волге, из деревни в город, из города в деревню? Путь этот — осо-

бенный, знаменует собой он преображение человека. Именно так называет В. Ильин повествовательный цикл из пяти повестей — «Преображение».

Герой у В. Ильина — бытовой, стихийный, часто даже неустроенный. Старуха из ветлужской деревушки, молодой фельдшер, служащие маленькой пристани местного значения, волжские и камские матросы, егерь, молодой инженер, сам еще не знающий, что он такое, сварщики, судостроители. У каждого своя, плохая ли, хорошая ли, жизнь, свои печали и радости, свои победы. Их судьбы часто надломлены — войной, семейными драмами, а то и болезнями, несчастливой любовью, одиночеством, как злой рок, давящими на них привычками и традициями старого быта, а порой и бездумием, безответственностью, несамостоятельностью, механическим исполнением обязанностей.

Кстати, городские персонажи Ильина мало чем отличаются от деревенских — та же душевная неустроенность, та же тяга к жизни осмысленной и радостной отличает, например, инженера Бартеля — героя рассказа «Расчетная волна», студента Сергея Мокшанова («Жесткий контур»), но в деревенских рассказах, на наш взгляд, четче расставлены акценты, определеннее характеры, значительнее и драматичнее судьбы. Да и авторское отношение выражено отчетливее. Едва ли не самый лучший, хотя и самый тяжелый по материалу рассказ у В. Ильина — «Прорубщик», суровое повествование об эхе войны, отдающемся горько и, поначалу кажется, безысходно в людях камского села Завражье. Щемящее чувство боли охватывает, когда читаешь сцену встречи фронтовиков с потерявшим после ранения разум Митенькой прорубщиком (проруби он хорошо делает — на реке, завражские бабы не нахалывают). От его ухмылки мужики словно зверели, напивались, а напившись, до жути плакали и матерились, проклиная войну.

Дважды возвращаются проблемы памяти к Митеньке, да ненадолго, и вновь обрушивается на него беспмятство, навсегда ос-

тавляя его за незримой и страшной чертой, отделившей прошлую жизнь. «Еранка (жена его. — В. Х.) смотрела, как он жадно поедает студень и винегрет, пьет чай, откусывает хлеб, и не замечала, что по ее щекам катятся незаметные из-за рябин слезы». Слезы фронтовиков и слезы Еранки — не одинаковые ли это знаки народной трагедии, переживаемой после войны? «Обняв ребрастое тело Митеньки, разметавшегося на печи, Еранка вдруг почувствовала в себе что-то щемящее, новое, для названия которого у нее не нашлось слов. Наверное, это было счастье». Автор не произносит другого слова — любовь, но это — любовь.

Много сурового, горького, как много и трогательного, участливого, доброго, в другом рассказе — «Корень», где старая Конажиха, преодолевая проклятие собственности, побеждает самое себя.

Герои многих рассказов В. Ильина — люди, которых жизнь не баловала, но которые сумели сохранить в себе и совесть, и честь, не разменивая душу на сомнительное счастье благоприобретенной, — это те же Еранка и Митенька, Конажиха, молодой инженер Петр Промзин из «Трещины» или смертельно больной, до последней минуты живущий мыслями о людях секретарь горкома из рассказа «До счета девять».

Немало знаем мы книг, рисующих скоропалительное переорождение человека из крестьянской среды, стоит только ему соприкоснуться с городом. В. Ильин никогда не спешит облегчить путь людей, о которых пишет, оставляя и в мельчайших деталях верным действительности. Как и его герои, не умеет он, не хочет выдавать желаемое за действительное.

Таков Николай Потапов — центральная фигура повести «Целый век» — человек крестьянских корней, рабочий, в нравственной стойкости которого, крепости духа, размеренности трудового бытия сияется национальный характер. При этом автор не игнорирует ни «власть земли», тяготившую над крестьянами в

первые годы после революции, ни гнетущую бедность, ни неразвитость их общественных связей. Конкретное мышление Николая Потапова движется в сугубо земных пределах: еда, пахота, урожай, женитьба, изба. Сам он, может быть, и не очень-то следит за тем, что у него в голове делается, не до того ему, весь он в работе, а вот читателю хорошо видно, как, оставаясь тем же расчетливым, сметливым, рачительным человеком, что всегда его отличало, исподволь, незаметно для себя меняется Николай. Вроде бы и тот же, да не тот.

Главный результат изменений, происшедших в Потапове, — он стал думать. Не только о цугальном замке, что в двери врезал, не о прокорме семьи и покупе нашемира на платье для жены — это само собой, от этого нигде не денешься, о чем-то большем стал думать, чего раньше в расчет не принимал. Трудный человек Николай Потапов, ничего не берет он на веру, непременно ему надо до всего своим умом дойти, иначе и жизнь не в жизнь. Но уж дойдя до чего-то, убедившись, он ни за что потом от убеждения своего не откажется. Из трудных людей самые-то ценные и выработываются. И в конце повести мы видим, как, выполнив задание завода, получил Николай премию: деньги отдали немалые. Сыну надо полуботинки купить, дочери платье, жене жакетку, себе пальто. Подумал-подумал Потапов... Жили мы без этой премии! Жили. Проживем? Проживем. А ее в фонд обороны. И хоть разошлась жена, целый век, говорит, прожил, а ума не нажил, тверд и непреклонен остался Николай. Не права жена, накопил он ума достаточно, и ум у него теперь государственный.

...На всю жизнь связал себя В. Ильин с трудовыми людьми, живущими на берегах Волги и Камы; в них видит он меру бытия и прототип народной жизни. В урочный час хочет писатель познать своих героев. «Река, точно жизнь, течет по своим законам. Весеннее торопливое водополье сменяется меженью, средолетием, самой рабочей порой для реки. В межень река бессонна. Ей нельзя устать. Так борется в страду с усталостью много живший, заботливый человек, который знает цену урочному часу».

Вячеслав ХАРЧЕВ

гор. ГОРЬКИИ